

УДК 32:159.9; 327.5

СМИРНОВА Анна Геннадьевна – к.полит.н., доцент; доцент кафедры социологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (150000, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 10; agsmirnova2001@mail.ru)

МОГУЩЕСТВО КАК ФАКТОР ВОСПРИЯТИЯ УГРОЗЫ: АНАЛИЗ С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ ОБРАЗА ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы, лежащие в основе взаимосвязи могущества и восприятия угрозы в контексте теории образа государства. Автор доказывает, что восприятие угрозы связано не столько с абсолютными показателями могущества, сколько с его динамическими характеристиками, которые выявляются в результате сравнения политических ценностей и статусных позиций, отраженных в представлениях государств друг о друге. В частности, восприятие угрозы обосновывается расхождением ценностей и принципов функционирования политических институтов взаимодействующих государств. Кроме того, субъект делает вывод о существовании угрозы, если государство совершает действия, которые приводят к укреплению его позиции на международной арене и/или ослаблению статуса его партнера по взаимодействию.

Ключевые слова: угроза, образ государства, могущество, сравнение, политический режим, статусная позиция

Взаимоотношения государств на международной арене во многом предопределяются субъективными факторами: образами [Шестопал 2008], привлекательностью культуры [Василенко 2014], восприятием других нематериальных и материальных ресурсов власти и влияния. Ментальные репрезентации особенно важны, когда речь идет о вопросах войны и мира, в основе которых лежит восприятие угрозы. С одной стороны, субъективная оценка угрозы связана с выявлением намерений оппонента [Winter 2008]. С другой стороны, субъекты принятия политических решений акцентируют внимание и на том, что для восприятия угрозы важна потенциальная возможность причинить вред.

Несмотря на то, что «потенциальные возможности» рассматриваются в качестве важного предиктора опасности, их связь с восприятием угрозы требует дальнейшего анализа, прежде всего, по той причине, что сам этот термин объединяет множество разнообразных показателей. С одной стороны, «возможности» представлены *силой*, т.е. военными, экономическими, демографическими и другими объективными измеряемыми ресурсами. С другой стороны, они определяются также *могуществом*, которое характеризует отношения между субъектами, их способность навязывать волю другим и в то же время защитить свои интересы [Обичкина 2004: 121]. При этом важно отметить, что могущество, которое трудно измерить посредством объективных количественных показателей, отражено в субъективных оценках и зачастую вызывает расхождения в интерпретации потенциальных возможностей государства нанести ущерб. Иначе говоря, оценка могущества государства предполагает конструирование его образа как обладающего силой и решимостью использовать угрозу для реализации своих интересов.

Отмеченная особенность могущества обуславливает постановку вопроса о механизмах восприятия угрозы. По нашему мнению, затронутый вопрос целесообразно рассматривать через раскрытие закономерностей возникновения и функционирования образов государств. При этом в рамках данной статьи будет уделено внимание таким составляющим могущества, как тип политического режима и статусная позиция государства на международной арене.

Проблема угрозы в теории образа государства

Анализ подходов к описанию структуры образа государства [Boulding 1959; Cottam 1977; Herrmann, Fischerkeller 1995] позволяет сделать вывод, что восприятие угрозы связано не просто с оценкой уровня могущества оппонента. Данный

процесс предполагает создание целостного образа, который наряду с характеристиками военного и экономического потенциала содержит представления об особенностях культуры, процессе принятия политических решений, а также враждебных или дружественных намерениях. Сочетание вариаций перечисленных компонентов находит отражение в образах «врага», «варвара», «империалиста», «дегенерата», «союзника», «колонии» и «изгоя» [Cottam et al. 2004: 45].

При этом можно отметить следующие особенности восприятия угрозы как процесса, сопряженного с формированием образа государства.

Во-первых, образ государства рассматривается как стереотип, т.е. система убеждений о государстве, позволяющий без существенных когнитивных затрат получить информацию об оппоненте и связанных с ним угрозах. При этом, как и любой стереотип, образ государства конструируется на основе относительно небольшого числа характеристик и отличается устойчивостью. В связи с этим восприятие угрозы построено по принципу «распознавания паттерна», когда, например, государство, обладающее превосходящим военным потенциалом, сопоставимой по уровню культурой и агрессивными намерениями, автоматически категоризируется как «враг».

Во-вторых, несмотря на то что в представленной типологии образов могущество и культура рассматриваются в относительных категориях, отражая расстановку сил в диаде взаимодействующих государств, восприятие угрозы подразумевает конструирование, прежде всего, образа «другого» государства.

По нашему мнению, отмеченные особенности конструирования образа не позволяют в полной мере понять специфику процесса восприятия угрозы, его механизмы.

Одна из причин состоит в том, что созданные типологии образов государства появились преимущественно в период «холодной войны», которая характеризовалась достаточно высоким уровнем определенности идентификационных и статусно-ролевых характеристик государств. В связи с этим созданные образы функционировали как устойчивые стереотипы, которые не всегда созвучны новым политическим условиям. Более того, существование стереотипных образов не позволяет понять механизмы восприятия угроз, исходящих от государств, статусная позиция которых в системе международных отношений еще не определена. Следовательно, необходима концепция, которая сможет отразить динамизм и социально-политическую контекстность познавательных процессов, приводящих к формированию образов государств в ситуации угрозы.

Еще одно направление критики может быть связано с необходимостью усилить понимание угрозы как субъект-субъектных отношений. Восприятие угрозы подразумевает не только конструирование образа «другого», но и формирование образа собственного государства. При этом важно подчеркнуть, что образы подкрепляют и воспроизводят друг друга. В связи с этим дальнейшее развитие исследований предполагает изучение механизмов, лежащих в основе формирования комплементарных образов двух государств в ситуации угрозы. Кроме того, подобное понимание угрозы создает основания для исследования связи могущества и воспринятой угрозы с учетом того, что могущество относится к сфере отношений между государствами.

В современной политической психологии созданы теоретические основания для описания подобных механизмов. Один из этих механизмов – сравнение.

Сравнение как механизм формирования образа государства в ситуации угрозы

Склонность получать знания о себе посредством сравнения своих возможностей, достижений, идей, ценностных приоритетов с аналогичными чертами индивидов или групп представляет собой универсальную характеристику человека.

Сравнение имеет существенное политическое значение, которое может быть раскрыто посредством обращения к категории национальных интересов. Например, Т. Дейбель среди приоритетных интересов государства называет стремление не просто обеспечить для себя более выгодное положение в экономической и военной сферах, но и сформировать под себя окружение посредством проецирования цен-

ностей нации и ее моральных принципов на другие страны. Одновременно государства стремятся оградить систему правления, ценности и культуру от изменений, навязываемых извне [Deibel 2007: 126-127].

Если переформулировать отмеченные национальные интересы на языке сравнения, то, во-первых, государства стремятся к тому, чтобы избежать отставания от других государств и даже обеспечить лидерство. В связи с этим можно предположить, что угроза ассоциируется с отставанием от других или утратой занимаемых позиций и находит отражение в соответствующих образах государств («лидер», «ревизионист», «аутсайдер»). Во-вторых, стремление сохранить политические принципы, ценности и культуру указывает на то, что в качестве источника угрозы будут восприниматься акторы, которые отличаются по перечисленным признакам.

Таким образом, сравнению подвергаются политические ценности, которые воплощены в типах политических режимов, а также их статусные позиции на международной арене в разных сферах взаимодействия.

Тип политического режима как фактор восприятия угрозы

На первый взгляд тип политического режима служит скорее индикатором намерений государства, нежели потенциальных возможностей. Подобное предположение заложено в теории демократического мира, согласно которой «демократии не вступают друг с другом в вооруженную конфронтацию и разрешают имеющиеся противоречия исключительно мирным путем» [Цыганков, Цыганков 2005]. Иначе говоря, в соответствии с данной теорией у них изначально отсутствуют намерения применять силу.

Однако анализ предпосылок миролюбия демократий позволяет сделать вывод, что оно связано с ограничениями, налагаемыми демократическими институтами (конкурентные выборы, свободные СМИ, нормы права и др.) на процесс принятия решений, что снижает приемлемость силовых вариантов урегулирования проблем. Авторитарные режимы, не сталкивающиеся с подобными ограничениями, более свободны в выборе средств оказания влияния.

Таким образом, тип политического режима служит индикатором не только намерений, но потенциальных возможностей причинить вред. При этом важно подчеркнуть, что он определяет решимость, готовность применить силу, т.е. отражает могущество государства.

В современных исследованиях тип политического режима рассматривается как фактор достоверности и эффективности угрозы. С одной стороны, особенности функционирования демократических институтов позволяют ожидать, что такие государства могут с высокой долей вероятности использовать силу, заручившись поддержкой общественности, представителей разных ветвей власти [Blechman, Wittes 1999]. С другой стороны, количественные эмпирические исследования подтверждают обратное. Например, Т.С. Сечсер делает вывод об отсутствии достоверных различий в успешности реализации угроз, которые исходят от государств с разным типом политического режима. Демократические государства добились от оппонентов требуемых изменений в поведении в 40% случаев применения угрозы, в то время как недемократические страны – в 42,1% случаев [Sechser 2011: 391].

Поскольку результаты не позволяют сделать вывод об однозначной связи между типом политического режима и воспринятой угрозой, можно предположить, что большее значение имеют представления о сходстве или различиях ценностей и принципов функционирования политических институтов взаимодействующих государств. При этом важно подчеркнуть, что представления выступают компонентами образов этих государств.

Например, Дж. Буш, конструируя угрозу, которая исходит от Северной Кореи, придает значение различиям ценностей двух стран (прежде всего, свободы) и характеристик политических режимов. Прямые сравнения с США указывают на отсутствие в Северной Корее свободы прессы, а также на закрытость северокорейского общества [Смирнова 2010: 123]. Более того, американский политик выводит возможности Северной Кореи причинить вред из характеристик политического

режима данного государства: «Мы не знаем, располагает ли Ким Чен Ир средствами доставки ядерного оружия, но я думаю, когда имеешь дело с таким тираном, лучше будет допустить, что такая возможность есть»¹.

Подобный паттерн восприятия угрозы обнаруживается и в суждениях обычных людей. Результаты экспериментов Р. Гарсиа-Ретамеро, С.М. Мюллер и Д. Руссо, в которых в качестве респондентов выступили студенты, служат подтверждением, что восприятие аут-группы в качестве источника военной угрозы снижается, если ее ценности категоризируются как схожие с ценностями ин-группы [Garcia-Retamero et al. 2012: 188].

Однако восприятие реальности в сфере практической политики отличается от картины мира в массовом сознании, и наращивание могущества может быть расценено как угрожающее не только оппонентами, но и союзниками. Например, миссия США по распространению демократии в мире вызвала негативную реакцию не только у их традиционных оппонентов (Иран), но и у союзников (Европа) и рассматривалась в качестве «опасной формы империализма» [McFaul 2004/2005: 147]. Иначе говоря, на фоне общих ценностей у США и европейских государств расширение американского влияния рассматривается как источник опасности. В связи с этим можно предположить, что восприятие угрозы определено оценками статусных позиций государств.

Статусная позиция страны как фактор восприятия угрозы

В целом анализ распределения статусных позиций в системе международных отношений позволяет сделать вывод, что угроза, как правило, ассоциируется с действиями могущественных государств. Согласно данным, представленным Т.С. Сечсером, в большинстве случаев угроза направлена от более влиятельного государства к менее влиятельному (47,1%). Лишь 6,6% угроз исходили от более слабого государства к более сильному [Sechser 2011: 387].

Вместе с тем, как показывает практика, зачастую для восприятия угрозы важны не достигнутый уровень могущества и соответствующая ему статусная позиция, а их динамика, воспроизведенная в двух паттернах. Первый отражает наращивание могущества и повышение статуса государства, от которого исходит угроза. Второй представлен усилением его позиций по сравнению с уровнем могущества и статусом субъекта, который воспринимает угрозу.

Примером динамических изменений статуса в соответствии с первым паттерном может служить восприятие президентом США Дж.У. Бушем угрозы, исходящей от КНДР. В частности, в основе его суждения об угрозе, связанной с ядерной программой Северной Кореи, лежит воспринятое несоответствие между статусом, которым США наделяют КНДР (предписываемый статус), и статусом, на который данное государство претендует в системе международных отношений (достигнутый статус). Фактически Северная Корея рассматривается как упрочившая свои позиции в той сфере, к которой она, с точки зрения США, не должна иметь доступа [Смирнова 2010].

Второй паттерн динамики статусных позиций отражен в особенностях восприятия угроз «великими державами». Их положение в системе международных отношений закрепляется тем, что они устанавливают нормы и правила, позволяющие им сохранять лидирующие позиции [Neack 2003: 142]. В связи с этим ими воспринимаются как угрожающие действия других государств, которые способны поставить под сомнение их положение в мире.

Таким образом, значимость статусной позиции государства как фактора восприятия угрозы обусловлена тем, что социальные субъекты путем сравнения стремятся продемонстрировать свое превосходство перед другими, обеспечивая себе положительную самооценку [Larson, Shevchenko 2010: 68]. Кроме того, сравнение позволяет решить и более прагматические задачи, связанные с возможностью оказывать влияние на другие страны. Если статусные позиции государства поставлены под сомнение, то утрачивается и важная составляющая его могущества. В связи с этим

¹ Bush G.W. Press Conference of the President. April 28, 2005. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2005/04/20050428-9.html> (accessed 17.07.2014).

отрицательные результаты сравнения статусных позиций, отраженных в образах государств, ассоциируются с существованием угрозы.

Выводы

Завершая краткое обсуждение механизмов восприятия угрозы с точки зрения теории образа государства, мы можем сделать вывод, что восприятие угрозы связано не столько с абсолютными показателями могущества, сколько с его динамическими характеристиками, которые выявляются в результате сравнения политических ценностей и статусных позиций, отраженных в представлениях государств друг о друге.

Однако возможности теории образа государства в изучении восприятия угрозы не исчерпываются проблемой могущества. Можно выделить ряд дальнейших направлений исследования.

Во-первых, исходя из понимания образа государства как целостного образования, важно изучить взаимовлияние его компонентов в процессе восприятия угрозы.

Во-вторых, наряду со сравнением, конструирование образов в ситуации угрозы опирается и на другие механизмы. Их выявление и описание представляет собой еще одно направление научного поиска.

В-третьих, образ содержит когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты [Шестопап 2008: 17]. Образ государства в ситуации угроз – не исключение. При этом наиболее изученные из них – когнитивный и поведенческий. Однако восприятие угрозы во многом связано с эмоциональной составляющей [Stein 2013: 379-386], которая как компонент образа государства требует исследования в обозначенном нами динамическом аспекте. Кроме того, важно выявить и описать механизмы восприятия угрозы, связанные с функционированием аффективного компонента образа государства.

Исследование обозначенных проблем позволит сформулировать теорию, позволяющую создать целостное представление о процессе и механизмах восприятия угрозы в межгосударственных отношениях.

Список литературы

Василенко И.А. 2014. Роль культурной политики в процессе формирования и продвижения позитивного имиджа России. – *Власть*. № 6. С. 40-43.

Обичкина Е.О. 2004. Внешнеполитическое могущество во французской теории международных отношений. – *Общественные науки и современность*. № 5. С. 120-129.

Смирнова А.Г. 2010. Механизмы межличностного и межгруппового восприятия угрозы в международных отношениях. – *Журнал социологии и социальной антропологии*. № 1. С. 111-126.

Цыганков А., Цыганков П. 2005. Кризис идеи «демократического мира». – *Международные процессы*. № 3(9). С. 33-44.

Шестопап Е.Б. 2008. Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования. – *Образы государств, наций, лидеров* (под ред. Е.Б. Шестопап). М.: Аспект-Пресс. С. 8-24.

Blechman V.M., Wittes T.C. 1999. Defining Moment: The Threat and Use of Force in American Foreign Policy. – *Political Science Quarterly*. Vol. 114. No 1. P. 1-30.

Boulding K. 1959. National Images and International Systems. – *The Journal of Conflict Resolution*. Vol. 3. No 2. P. 120-131.

Cottam R.W. 1977. *Foreign Policy Motivation. A General Theory and a Case Study*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press. 384 p.

Cottam M., Dietz-Uhler B., Mastors E., Preston T. 2004. *Introduction to Political Psychology*. Mahwah, New Jersey, London: Lawrence Erlbaum Associates Publishers. 343 p.

Deibel T.L. 2007. *Foreign Affairs Strategy: Logic for American Statecraft*. Cambridge: Cambridge University Press. 435 p.

Garcia-Retamero R., Müller S.M., Rousseau D.L. 2012. The Impact of Value Similarity and Power on the Perception of Threat. – *Political Psychology*. Vol. 33. No 2. P. 179-193.

Herrmann R.K., Fischerkeller M.P. 1995. Beyond the Enemy Image and Spiral Model: Cognitive-Strategic Research after the Cold War. — *International Organization*. Vol. 49. No 3. P. 415-450.

Larson D.W., Shevchenko A. 2010. Status Seekers. Chinese and Russian Responses to U.S. Primacy. — *International Security*. Vol. 34. No 4. P. 63-95.

McFaul M. 2004/2005. Democracy Promotion as World Value. — *The Washington Quarterly*. Vol. 28. No 1. P. 147-163.

Neack L. 2003. *The New Foreign Policy: U.S. and Comparative Foreign Policy in the 21st Century*. Lanham, Boulder, NY, Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, Inc. 243 p.

Sechser T.S. 2011. Militarized Compellent Threats, 1918-2001. — *Conflict Management and Peace Science*. Vol. 28. No 4. P. 377-401.

Stein J.G. 2013. Threat Perception in International Relations. — *The Oxford Handbook of Political Psychology* (ed. by L. Huddy, D.O. Sears, J.S. Levy). Oxford: Oxford University Press. P. 364-394.

Winter D. 2008. Psychological Factors Affecting Distortion of Threat in the Perception on the Intentions of Leaders. — *Образы государств, наций, лидеров* (под ред. Е.Б. Шестопаля). М.: Аспект-Пресс. С. 25-37.

SMIRNOVA Anna Gennadievna, Cand.Sci.(Pol. Sci.), Associate Professor, Yaroslavl Demidov State University (Sovetskaya str., 10, Yaroslavl, Russia, 150000; agsmirnova2001@mail.ru)

POWER AS A FACTOR OF THREAT PERCEPTION: ANALYSIS IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF STATE IMAGE

Abstract. In the article the issue of mechanisms, which determine correlation of power/might and threat perception, is under discussion through the context of the theory of state image. The author argues that threat perception is connected not only with the absolute indicators of might and power, but with its dynamic features which are revealed in the result of comparison of political values and status positions, reflected in the mutual images of states. In particular, perception of threat is based on the value differences and divergence of the principles of functioning of political institutions of interacting states. Besides, the subject comes to the conclusion about the existence of threat if the state performs actions, which result in strengthening its position on the international arena and/or weakening status of its interaction partner.

Keywords: threat, image of state, power/might, comparison, political regime, status position

References

Blechnan B.M., Wittes T.C. Defining Moment: The Threat and Use of Force in American Foreign Policy. — *Political Science Quarterly*. 1999. Vol. 114. No 1. P. 1-30.

Boulding K. National Images and International Systems. — *The Journal of Conflict Resolution*. 1959. Vol. 3. No 2. P. 120-131.

Cottam R.W. *Foreign Policy Motivation. A General Theory and a Case Study*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press. 1977. 384 p.

Cottam M., Dietz-Uhler B., Mastors E., Preston T. *Introduction to Political Psychology*. Mahwah, New Jersey, London: Lawrence Erlbaum Associates Publishers. 2004. 343 p.

Deibel T.L. *Foreign Affairs Strategy: Logic for American Statecraft*. Cambridge: Cambridge University Press. 2007. 435 p.

Garcia-Retamero R., Müller S.M., Rousseau D.L. The Impact of Value Similarity and Power on the Perception of Threat. — *Political Psychology*. 2012. Vol. 33. No 2. P. 179-193.

Herrmann R.K., Fischerkeller M.P. Beyond the Enemy Image and Spiral Model: Cognitive-Strategic Research after the Cold War. — *International Organization*. 1995. Vol. 49. No 3. P. 415-450.

Larson D.W., Shevchenko A. Status Seekers. Chinese and Russian Responses to U.S. Primacy. — *International Security*. 2010. Vol. 34. No 4. P. 63-95.

McFaul M. Democracy Promotion as World Value. — *The Washington Quarterly*. 2004/2005. Vol. 28. No 1. P. 147-163.

Neack L. *The New Foreign Policy: U.S. and Comparative Foreign Policy in the 21st Century*. Lanham, Boulder, NY, Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, Inc. 2003. 243 p.

Obichkina E.O. French Theory of International Affairs on the Power of the State. — *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2004. No 5. P. 120-129. (In Russ.)

Sechser T.S. Militarized Compellent Threats, 1918–2001. – *Conflict Management and Peace Science*. 2011. Vol. 28. No 4. P. 377–401.

Shestopal E.B. 2008. Obraz i imidzh v politicheskom vospriyatii: aktual'nye problemy issledovaniya [Image and Self-perception in Political Cognition: Actual Issues of Research]. – *Obrazy gosudarstv, natsiy, liderov* (pod red. E.B. Shestopal) [*Imagas of States, Nations, Leaders* (ed. by E.B. Shestopal)]. M.: Aspekt-Press Publ. P. 8–24.

Smirnova A.G. Mechanisms of Interpersonal and Intergroup Threat Perception in International Relations. – *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 2010. No 1. P. 111–126. (In Russ.)

Stein J.G. Threat Perception in International Relations. – *The Oxford Handbook of Political Psychology* (ed. by L. Huddy, D.O. Sears, J.S. Levy). Oxford: Oxford University Press. 2013. P. 364–394.

Tsygankov A., Tsygankov P. The Crisis of the Democratic Peace Argument. – *Mezhdunarodnye protsessy*. 2005. Vol. 3. No 9. P. 33–44. (In Russ.)

Vasilenko I.A. The Role of Cultural Politics in the Process of Formation and Promotion of Positive Image of Russia. – *Vlast'*. 2014. No 6. P. 40–43 (In Russ.)

Winter D. Psychological Factors Affecting Distortion of Threat in the Perception on the Intentions of Leaders. – *Obrazy gosudarstv, natsiy, liderov* (pod red. E.B. Shestopal) [*Imagas of States, Nations, Leaders* (ed. by E.B. Shestopal)]. M.: Aspekt-Press Publ. 2008. P. 25–37.

УДК 339.986

АБДУЛЛАЕВ Нусрет Велиюллаевич – к.э.н., доцент кафедры конфликтологии Санкт-Петербургского государственного университета

199034, Россия, г. Санкт-Петербурге, Университетская наб., д.7–9; nusret79@mail.ru

БАГУЗОВА Нина Аркадьевна – магистр конфликтологии, Санкт-Петербургский государственный университет

СПЕЦИФИКА ВЕДЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка проанализировать способы ведения экономической войны, такие как утечка умов, промышленный шпионаж, экономическая экспансия, с учетом изменения международных экономических отношений, связанных с глобализацией. Авторы анализируют роли акторов международных экономических отношений, а также причины возникновения конфликтов высшей степени напряженности – экономических войн, которые стали непосредственным методом борьбы за ресурсы и рынки сбыта для многих развитых стран, играющих господствующую роль в мировой экономике.

Ключевые слова: экономическая война, утечка умов, промышленный шпионаж, экономическая экспансия, ТНК.

Нынешний этап истории развития международных отношений в наибольшей степени насыщен проявлениями экономических войн. Экономическая война стала непосредственным методом борьбы за ресурсы и рынки сбыта для многих развитых стран, играющих господствующую роль в мировой экономике. Главный принцип экономической войны – это принуждение к определенным условиям экономических отношений, а в случае сопротивления – использование физических форм воздействия, таких как государственное давление, включая военное вмешательство. Наличие такого рода отношений между странами обусловлено заинтересованностью развитых стран в зарубежных ресурсах. Интерес представляют именно дешевые природные и трудовые ресурсы. Поэтому многие бедные страны во внешнеэкономической политике играют роль сырьевого придатка развитых стран.

Основными методами ведения экономической войны являются:

– содействие «утечке мозгов», приводящей к ослаблению научного потенциала слаборазвитых стран; данная стратегия выражается в привлечении высококвалифицированного персонала из слаборазвитых стран или выделении целевых средств для подготовки специалистов в ведущих университетах, откуда в большинстве случаев они не возвращаются, пополняя научные кадры развитых стран;

– промышленный шпионаж, т.е. несанкционированное получение информации у производителей с целью извлечения прибыли;